

Конкурс политературе

Ответы (предварительная редакторская версия)

Задание 1.

Первый отрывок взят из книги Александра Мелентьевича Волкова (1891–1977) «Урфин Джюс и его деревянные солдаты», второй — из произведения «Золотой ключик, или Приключения Буратино» Алексея Николаевича Толстого (1883–1945). Герой первого отрывка — Урфин Джюс, а персонажи из сказки Толстого — Буратино и папа Карло.

Оба сюжета заимствованы из зарубежной литературы. Однако если произведение А.Н. Толстого напрямую связано с романом «Приключениям Пинокио», созданным Карло Коллоди, то А.М. Волков для своего «Урфина Джюса» позаимствовал лишь некоторые мотивы, причём из различных частей сказки Лайма Фрэнка Баума о Стране Оз, в частности, историю оживления при помощи чудесного порошка (у Баума так оживает, например, Тыквоголовый Джек).

«Ситуации похожи тем, что в обеих человек делает предмет из дерева и он оживает, только в первой ситуации с помощью живительного порошка, а во второй от любви, с которой папа Карло относился к Буратино» (Ольга Ардасенова, 6 класс, школа № 2009, г. Москва). «В каждом отрывке это происходит примерно одинаково: в первом солдат начинает драться, во втором — “колотить кулачками и щипаться”» (Андрей Корнеев, 9 класс, школа № 853, г. Москва).

«Буратино не должен был быть живой куклой, просто полено оказалось волшебным, а Урфин Джюс специально вырезал солдата, которого собирался оживить с помощью порошка» (Елизавета Короткова, 9 класс, лицей № 3, г. Волгоград). «Солдат ожил с помощью волшебного порошка, а Буратино сам по себе» (Кирилл Воронцов, 6 класс, школа № 7, г. Апатиты), «Карло удивился, когда увидел, что Буратино раскрывает глаза» (Михаил Молодык, 8 класс, школа № 57, г. Москва).

«И деревянный солдат, и кукольный Буратино, как только почувствовали себя живыми, сразу стали проявлять себя, свой характер, дарованный им от их создателей. В творении Урфина Джюса сразу прослеживается солдат — жестокий, сильный, бессердечное орудие убийства, <...> Буратино же настоящий ребенок» (Евдокия Харитоновна, 8 класс, школа № 1747, г. Москва). «Злодей делал злого солдата, а папа Карло — доброго» (Кирилл Воронцов).

Урфин и Карло «были бедняками,... каждый через свое творенье стремился к личному счастью» (Максим Еронтаев, 9 класс, лицей № 3, г. Волгоград). Но бедность Карло «никак не влияет на его мировоззрение и отношение к окружающим» (Никита Прокументов, 8 класс, школа № 8, г. Череповец).

«Джюс делал солдат для корыстных целей, а Карло для хороших целей» (Карина Палтышева, 5 класс, школа № 37 (лицей «Амтэк»), г. Череповец). Урфин «создавал кукол для своего величия, своего всемогущества, чтобы возвеличиться над другими людьми, а Карло мастерил свою куклу на радость людям. Карло создавал куклу силой своей любви» (Николай Землянских). Урфин «делает солдата, чтобы быть непобедимым, а папа

Карло — потому что ему одиноко. Карло делает себе друга» (Елизавета Гладких, г. Апатиты, 7 класс, школа № 6).

«Папа Карло растил и заботился о единственной кукле — маленьком Буратино. А Урфин Джюс создал целую армию деревянных солдат (дуболомов) и пошел с ними завоевывать волшебную страну, но у него ничего не получилось» (Мария Трофимчук, 7 класс, лицей № 8, г. Волгоград).

Джюс «не полюбил своего солдата с первого взгляда, а Карло сразу полюбил Буратино и ласково с ним говорил» (Данила Полинцов, 5 класс, школа № 2007, г. Москва). «Урфин относится к солдатам как к печальной необходимости (“Себе работы наделаю”), а Карло, судя по первым его словам к Буратино, сразу же полюбил свое творение» (Михаил Молодык). Если в первом фрагменте «проявляется грубость, суровость к персонажу, то во втором герой относится <к созданной им кукле> с лаской, нежностью» (Ирина Чеснокова, 7 класс, школа № 26, г. Череповец).

Участники конкурса хорошо почувствовали разное отношение писателей к своим персонажам. А. Волков «с презрением относится к своим героям» (Новикова Анна, 7 класс, школа № 26, г. Череповец), показывает Урфина «грубым и самонадеянным («...я буду непобедим!»), из чего можно заключить, что он его недолюбливает» Толстой же «описывает Буратино ...озорным и шаловливым, а Карло заботливым и трудолюбивым» (Андрей Корнеев). Волков «приписывает Урфину грубость, жестокость, вспыльчивость, осуждая Урфина, Толстой наделяет Карло добротой, сдержанностью, смирением» (Максим Еронтаев). Создатель «очень доброжелательно относится к герою (мы это видим из описания его поведения: «кулачками», «щекотаться»), <...> если так можно сказать, умиляется» (Ирина Соловьёва, 9 класс, лицей №5 им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград), «симпатизирует папе Карло» (Ксения Довгели, 5 класс, школа № 2007, г. Москва).

Выполнявшие первое задание назвали много сказок об оживающих предметах. Часто «предмет оживает, чтобы помочь людям» (Юлия Худякова, 7 класс, лицей № 5 им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград). Так, в произведении Шарля Перро Дюймовочка появляется на свет из семечка (Дарья Ионе, 7 класс, лицей № 5 им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград) на радость одинокой женщине, в помощь бездетным старику и старухе появляется из хлопка Липунюшка в сказке Л.Н. Толстого. Можно вспомнить и историю Электроника — героя книги Е.Велтистова «Приключения Электроника», — который был создан ради научного эксперимента, но в итоге стал настоящим, живым человеком.

Часто «в этих историях встречаются такие ситуации: оживающие предметы не слушаются своих хозяев; убегают от них и чаще погибают» (Полина Сергеева, 9 класс, школа № 638, г. Москва). «Так же, как и Буратино, Пиноккио оживает и не всегда слушается своего создателя, но за каждую ложь у Пиноккио нос становится длиннее». А в «Снегурочке» А.Н. Островского «оживает девочка, сделанная из снега» (Дарья Поспелова, 7 класс, школа № 33, г. Череповец).

Из дерева был изготовлен в сказке Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король» и оживший Щелкунчик — герой, который «попадает в дом к главной героине, борется с мышами во главе с Мышиным королём, идёт в увлекательные приключения за волшебным орехом и становится принцем» (Анастасия Гребенникова, 7 класс, лицей № 5

им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград). Могут оживать и другие игрушки. Например, одноногий солдатик и танцовщица из сказки Г.Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик».

В книге эстонского писателя Эно Рауда «Сипсик» оживает тряпичная кукла, которую брат делает сестре в подарок ко дню рождения (Дарья Ионе, 7 класс, лицей № 5 им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград).

Вспомнили и древнегреческий миф о скульпторе Пигмалионе, создавшем прекрасную статую и влюбившемся в неё. Статую впоследствии оживила богиня любви Афродита. (Михаил Бугаев, 5 класс, школа № 1978, г. Москва). Другой сюжет, но уже из еврейской мифологии, — история о великане Големе, созданном из глины раввином Лёвом.

Ну, а в детских книгах зачастую оживают и бытовые предметы. Так, в произведении К. Чуковского «Мойдодыр» встречаются «оживающие рукомойник, простыни, подушки, кровать» (Анастасия Гребенникова, 7 класс, лицей № 5 им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград). В стихотворении С. Маршака «Книжка про книжки» беседуют друг с другом порванные, искалеченные книги, а «Весёлой арифметике» того же автора — цифры. Становится волшебной обстановка хижины, где живут Тильтиль и Митиль из пьесы Мориса Метерлинка «Синяя птица»: здесь появляются Души Часов, Огня, Молока и других предметов.

Конечно, этот список можно продолжить...

Задание 2.

Юные участники конкурса оценили и комизм разыгрываемой сценки, и особенности словоупотребления, и саму неожиданность перехода от тождественных слов к описанию нелепых дел.

Смешным показалось то, как они показывали языки, как дети, дрались... (Дарья Ионе, 7 класс, лицей №5 им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград).

Смешно то, что автор «играет» со значениями слова «язык». (Юлия Худякова, 7 класс, лицей № 5 им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград)

Смешное заключается в том, что целый язык отождествляется с человеком, который может драться и «давать по пузу». (Вадим Васильченко. 9 класс. Москва, школа 936).

В этом тексте мне показалось смешным то, что «показать язык» можно понять по-разному (показать часть тела или рассказать об особенностях официального языка какой-либо страны). (Анастасия Шевчук, 7 класс, школа № 26, г. Череповец).

...плюс к тому — использование разговорной лексики (*пузо, дурак* и т.д.). (Карина Денисова, 9 класс, лицей № 5 им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград).

Комичность всей ситуации, когда показываются языки, заставляет не раз улыбнуться. И этот внезапный переход от серьезных фраз («Великий могучий русский...») к детским шалостям. (Мария Шешелева, 9 класс, гимназия им. Пушкина, Троицк)

Задание 3.

Что Ф.И. Тютчев — автор второго стихотворения, определили многие; аргументы были приведены самые разные: одни довольствовались общим ощущением или догадками, другие обнаруживали характерную для поэта лексику или строй мыслей.

2-Тютчев. Я так считаю, потому что в первом стихотворении говорится: «Его художник опытной рукою, украсив хитро чашей золотою, преобразил в шумящий водомёт» — Кузьмин описывает стихотворение Тютчева, где есть такие строки. Роман Тихонов, 6 класс, школа № 10, г. Череповец.

Оно похоже на другое стихотворение Тютчева: «Люблю грозу в начале мая...» Здесь есть похожие сложные определения: «огнецветной» как «громокипящий». Александр Файер, 10 класс, школа № 57, г. Москва.

Первое стихотворение романтическое, по лексике и теме оно похоже на стихи Гумилёва, на обращение к старым традициям и прежним идеалам, что плохо сочетается с моим представлением о Тютчеве, зато хорошо — с датами жизни Кузьмина. Анна Дикова, 10 класс, школа № 57, г. Москва.

Я считаю, что Тютчевым написано второе стихотворение, так как в нём чувствуется тесное влияние традиции первой половины XIX века, не похожее на умышленную имитацию. Вероника Файнберг, 10 класс, школа № 57, г. Москва.

Стихотворение 2 написано Тютчевым. На это указывает его основная мысль: жажда человеческой души достичь небес, прикоснуться к тайнам бытия встречается с гнетущей дланью рока, <...> не пускающей человека дальше некой невидимой черты. Бессилие человеческих страстей составляет одну из главных линий творчества Тютчева; второе стихотворение согласуется в настроении со строками: «Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет — и не может». Анжелика Бородина, 11 класс МОУ Дмитровская гимназия «Логос», г. Дмитров.

Многие участники конкурса смогли по первому впечатлению сформулировать, чем похожи предложенные стихотворения и в чем существенные различия между ними.

Они похожи тем, что авторы приводят метафоры воды, сравнивают что-то с водой. Дарья Ионе, 7 класс, лицей № 5 им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград.

Различие заключается в том, что один описывает происходящее, а другой как бы ведет диалог. Анна Лузина, 8 класс, лицей № 6, Миасс.

В 1 стихотворении автор говорит о себе, его произведение словно рассказ от 1-го лица, во втором автор скорее обращается к нам, и это видно в 1 строчке. Ольга Табакова, 7 класс, лицей № 5 им. Ю.А. Гагарина, г. Волгоград.

Различие в том, что в первом стихотворении говорится о тьме, а во втором о свете. (Берестова Анастасия, 6, лицей № 6, Миасс)

Два этих стихотворения схожи внешним содержанием, но сильно отличаются по заложенным в них чувствам. Если первое очаровывает нас красотой источника, то второе через образ источника передает сущность человека, его стремление ввысь, к небу, но неизменное падение на землю. Даниил Засульский, 7 класс, Брянский городской лицей №1 им. А.С.Пушкина.

Стихотворение Тютчева пронизано мотивами рока: «осужден», «ниспасть», «закон... стремится, мятет», «длань роковая» — в некотором смысле мотивом катастрофичности бытия, у Кузмина мотивы эти пропадают. Дмитрий Сыропятов, 11 класс, школа № 6, г. Миасс

Есть работы, авторы которых более пристально вглядываются в образы, лежащие в основе стихотворений.

В этих стихотворениях присутствует некоторое количество похожих образов и мотивов. Оба автора выбирают практически синонимичные образы — «источник» и «фонтан», а также называют их общим словом — «водомёт». Еще один действующий образ, воплощение некой иной силы в первом стихотворении появляется уже в первых строках. Это художник с «опытной рукой». Во втором стихотворении это воплощение судьбы — «длань незримо-роковая».

Интересна игра авторов с мотивами света и тьмы, неба и земли. В первом стихотворении присутствует мотив света (золотой) и мотив тьмы (глубины). Получается, что струя или крик вырывается из темной глубины и падает тоже в глубину, но уже в глубину золотой чаши.

Во втором стихотворении нет тьмы, зато очень много света с самого начала: «Фонтан сияющий... пламенеет». А дальше появляется луч («Лучом поднявшись к небу, он // Коснулся высоты заветной...») Софья Успенская, 10 класс, школа №57, г. Москва.

Схожи у поэтов и средства изображения. Кузмин явно ориентируется на Тютчева: «чашей золотою» — «фонтан сияющий», «золотится радужной игрою» — «как пламенеет, как дробится его на солнце влажный дым», «грешный крик мой к небу простирался, коснулся неба, радужно распался» — «лучом поднявшись к небу, он коснулся высоты заветной». Михаил Шапир, 11 класс, школа № 57, г. Москва.

Но, конечно, смысл стихотворений к зрительным образам не сводится. Вот как можно сказать о подлинной теме произведений.

Предложенные стихотворения Тютчева и Кузмина схожи между собой не настолько сильно, как кажется на первый взгляд. Одинаковы лишь образы, выбранные поэтами для выражения их чувств, — рвущийся к небу фонтан. Но каждый придает этому образу свое значение. Если для Тютчева это страсть познания, стремление души соединиться с высшей силой, то для Кузмина струя бьющей из земли воды — это крик

души, рвущийся из глубин сердца, любовная мука. О любовной тематике говорит и выбранная форма сонета, в то время как Тютчев использует два восьмистишия, где в первом создается образ мятежного фонтана, а во втором — раскрывается смысл аллегии. Похожий способ толкования использован и Кузминым: только в последних трехстишиях узнает читатель, с чем связана бьющая струя в понимании поэта. Анжелика Бородина.

В обоих случаях использование образа фонтана — способ сказать про нечто другое, нефизическое. Движение вверх, за которым следует падение, материализует для авторов определённый механизм: творчества, мысли. Темы стихотворений, хотя и использующих одинаковый образ, различны. Они могут быть выражены теми немногими абстрактными понятиями, которые есть в каждом стихотворении: у Кузмина это «скорбь», «любовь» и «пение» (т.е. «поэзия»), тогда как Тютчев написал о «смертной мысли» — о вечных попытках диалога с вечностью. Вероника Файнберг.

Есть очень разные и при этом очень интересные варианты интерпретации стихотворений; авторы исследуют и особенности стиха, и ритм, и композицию, и лексику, но не останавливаются на перечне терминов, а пробираются к глубинному смыслу.

Каждое стихотворение по содержанию делится на две части (поровну у Тютчева и, как позволяет форма сонета, у Кузмина на две неравные по количеству строк). Первая часть посвящена описанию фонтана, во второй изображённый выше механизм приложен к личным переживаниям. Описания основаны на попытке запечатлеть происходящее в короткий момент времени. Эффект зависит от размера: хорей первого стихотворения на одну стопу длиннее (5 стоп), чем во втором, что придает более повествовательное звучание (этому способствуют и повествовательные предложения). Во втором же есть побудительные, два восклицательных, вопросительное — стихотворение более эмоционально.

Фонтан Кузмина «звучнее», чем у Тютчева, расставившего цветовые акценты. И эта «песнь» воды важна для сопряжения со второй частью. Водомет назван «шумящим», капли — «звучными», а чаша — «поющей». В стихотворении Тютчева вовсе не упомянуты звуковые впечатления, зато обильно представлены зрительные: «сияющий» фонтан, «пламенеющий! дым, осуждённый «пылью огнецветной ниспасть на землю»; светит солнце. Каждый эпитет связан с огнём, со светом, и даже «влажный дым» поднимается к небу «лучами». У Кузмина же источник появляется «из глубины земли», «из тьмы», а уже вокруг него создана (художником!) «золотая чаша». И струя «золотится радужной игрою», отражая цвет сосуда, не играя на свету. Интересно, что вода, у Кузмина возникнув из земли, ниспадает на землю у Тютчева.

Различия первых частей находят отражение во вторых. Мотив песни у Кузмина связан с осознанием действия вдохновения. Описан «механизм»: скорбное воззвание к небесам будто возвращается к нему песней, поэзией. Последние две строчки — о глубоком осознании себя: стихи не от счастья, а от боли.

Полная визуальных образов первая часть у Тютчева контрастирует со второй, где сказано о «длани незримо-роковой». Больше нет цветного фейерверка, перед «незримой»

дланью остаются лишь риторические вопросы. Струи «неистощимого водомёта смертной мысли» постоянно разбиваются об отсутствие ответов и, тем не менее, возвращаются по «непостижимому закону». Здесь много отрицательных приставок («неистощимый», «непостижимый», «незримый»), которые показывают неспособность человека добиться разрешения «вечных вопросов», никогда не оставляющих ум. Вероника Файнберг.

Одной из главных тем 1-го стихотворения является тема предназначения «художника», именно он «преображает», направляет природный источник, делает его доступным для всех людей. В этом стихотворении, «спадая» вниз, струя приносит с собой свет и божественную, небесную гармонию, наполняя чашу человеческого знания. Во втором стихотворении «луч» свергается вниз, успев лишь на мгновение прикоснуться к истине. Ему не суждено познать ее.

В обоих стихотворениях присутствует божественное начало. В первом стихотворении оно и в «источнике», и в даре художника, поэта. Он призван «петь» людям о смысле жизни, о высшей гармонии, но необходимая цена этому — страдания, лишь «крик» скорби сердца поэта способен наполнять «чудную чашу». Во втором стихотворении это божественное начало присутствует «дланью незримо-роковой», отвергающей постоянные, вечные попытки человека прикоснуться к истине, обрекающей поиск ответов на вечные, «проклятые» вопросы бытия на неудачу. Богом же создан и этот «непостижимый закон» стремления человека к познанию.

Таким образом, обращаясь к образу водомёта, поэты выражают свое мировоззрение, во втором стихотворении звучит роковое, драматическое значение невозможности открытия человеку истины, а в первом — более светлый, но тоже трагический мотив служения искусства и художника людям, возможность обретения людьми высшей гармонии через его страдания. Екатерина Янковская, 10 класс, Государственная столичная гимназия, г. Москва.

В обоих стихотворениях фонтан подается как нечто необычное, таинственное; что-то, загадку работы чего мы понять не можем: в первом — это результат работы «пытной руки художника», то есть создателя, творца; во втором — и вовсе подчинение «закону непостижимому».

То, что происходит с водой в фонтане — это преобразование. В первом стихотворении струя «из тьмы» взлетает и падает в чашу, а там как будто сливается с ней: «золотится радужной игрою», отражая золото стенок чаши, а «звучные капли» эхом отдаются в её «таинственном пении». Это превращение передается противопоставлением: «из тьмы» — «золотится», — а после — сопоставлением слов: золотая чаша — золотятся капли, «звучных капель толпа» — «чаша таинственно поет».

Во втором метаморфоза опять передается противопоставлением, почти оксюморонными сочетаниями: «влажный дым» «пламенеет», ниспадая с высоты, которой он едва достиг. Вода постоянно («О водомет неистощимый!») движется в

противоположные стороны одновременно. Даже «неистошимость» — явление, в природе, казалось бы, невозможное — как вечная жизнь.

Оба автора отождествляют себя с водой, проходящей это превращение. Но здесь и начинаются различия.

Из тьмы скорби крик возносится к небесам и возвращается оттуда радугой капель, и звенит, ударяясь о стенки чаши. Это преображение — счастье. «Мне петь велит любви лишь сладкий яд», — читаем мы; любовь сравнивается с тем художником, который сумел преобразить подземный источник в «шумящий водомёт». Точно так же она превращает крик в «радужную игру» — в песнь, её же прославляющую. «В счастье» же — то есть когда ничто не трогает сердца поэта — уста его молчат, как молчал бы источник, текущий под землей.

Второй поэт говорит нам о «смертной мысли»: из сердца она несется вверх, но оттуда ее свергает «длань незримо-роковая». Преображение ведет к смерти: то, что поднималось лучом, падает пылью. Анастасия Львова, 10 класс, школа № 57, г. Москва

Если в первом стихотворении звон капель при падении сравнивается с голосом поэта, с его стихами, то есть с чем-то светлым, чем-то важным, венчающим, с каким-то результатом, то во втором падение воды — символ усилия, которое ничем не увенчалось, символ мысли, наткнувшейся на преграду и отступившей.

В первом стихотворении струя сравнивается с криком, с сильным болезненным чувством, которое под рукой опытного художника обращается в струю фонтана, в «шумящий водомет», то есть дикое, первобытное чувство, приходящее из «глубины земли», из самых глубин сердца, под рукой опытного художника — то ли Творца, дающего поэту талант, то ли самого поэта, употребляющего своё мастерство слова, — превращается в фонтан, в волшебную песню. Тут, как и во втором стихотворении, есть мотив борьбы сил природы и человеческого разума, но разрешается он в пользу последнего, разум если не подчиняет себе чувства, то придает им форму, извлекает из них что-то новое.

Во втором стихотворении борьба человеческой мысли и сил природы гораздо более очевидна, это — центральная тема, и разрешается она иначе. Струя воды тут сравнивается с мыслью человеческой, с жаждой познания. Однако происхождение этой жажды неясно и, кажется, оно так же глубинно, как происхождение чувства. Если первое стихотворение разрешается, поток воды «касается неба», то во втором он к небу только рвется, но не может достичь — мир непознаваем. Анна Дикова.

И, наконец, несколько слов об устойчивой форме.

Первое стихотворение — это сонет. Оно состоит из двух катренов и двух терцетов, как и положено сонету. Рифмовка также специфическая: в катренах — опоясывающая внутри, но, кроме того, они рифмуются и между собой, в этих восьми строках вообще использованы только два созвучия — на *-ою* и на *-ѐт*.

Если катрены самостоятельны и как бы замкнуты, не связаны жестко по смыслу, представляют собой законченные предложения, то разбивка на терцеты выглядит странно. По смыслу и рифмовке это как бы не два терцета, а еще один катрен и две строчки — сонетный замок. Таким образом, формально, по строению, это — итальянский сонет, а по смыслу и рифмовке он распадается на формы, свойственные шекспировскому сонету. Кроме того, это сонет и по композиции, по тому, как развивается мысль: первые два катрена — пейзаж, описание, третий — собственные переживания, последние две строки — замок, как бы подытоживающий всё сказанное раньше. Анна Дикова.

Задание 4.

Главного героя – опытного лётчика Сашу Круга, узнавшего о том, что вся его семья на Украине была убита немцами, одолевает жажда мести и желание встретиться с врагом: «мне крови надо! Чтоб лицом к лицу! В глаза его посмотреть, а потом уж бить и видеть, как он корчится, подыхая».

И вот он добивается невозможного: не зацепив вражеского самолёта, заставляет немецкого лётчика истратить весь запас патронов и топлива и «пустым» сесть на Советский аэродром. Кажется, герой добился своего и вот уже бежит с пистолетом за вылезшим из кабины самолёта беззащитным немцем.

Но Саша не станет убивать немца. Очевидно, что «...между двумя этими парнями вполне возможна дружба, несмотря на то что их стороны воюют». (Дарья Ракова, 6 класс, школа № 16, Саров).

Дальнейшие события в этом рассказе «могут развиваться так: Саша понял, что немец на самом деле просто мальчишка, которого заставили воевать. Немец тем временем опомнился и собрался было уже бежать, но напоследок взглянул на лицо своего врага. Оно уже не было злым, на нём не было выражения ярости. Улыба, озарившая немца, дала ему понять, что русский не собирается его убивать. Так они стояли там, пока их не обнаружили. Их обнаружили русские и хотели убить немца, но Саша объяснил им свои мысли и все вдруг поняли его. Они хотели верить в лучшее и их надежды оправдались» (Дарья Поспелова, 7 класс, школа № 33, г. Череповец).

Справедливо и предположение о том, что «Саша не убьёт немца, а возьмёт его с собой и будет ухаживать за ним» (Алёна Гаврилина, 9 класс, гимназия № 2, г. Саров), «главный герой поможет немецкому летчику, т.к. он даже не испытывает к нему чувства вражды, неприязни. И немец благодарен ему за то, что он, несмотря на столь суровое время, проявил свои человеческие качества, увидел во враге прежде всего не противника, а человека» (Алина Ватанабэ, 10 класс, гимназия № 2, г. Саров).

Действительно, до тех пор, пока верховное командование не прибыло на авиационную базу и не отправило немца в лагерь для военнопленных, Саша заботился о немце. Да и Сашины товарищи тоже принимали участие в судьбе Вальтера.

Хотя название рассказа у многих вызвало ассоциацию с произведением Ф.М. Достоевского «Белые ночи», здесь нет ничего общего.

Явно же чувствуется влияние на рассказ Э.Севелы романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Ассоциируются с приведённым отрывком сразу несколько эпизодов: «Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» описывает сразу несколько встреч. Это встреча после Аустерлица раненого князя Андрея и Наполеона Бонапарта, встреча Пьера в Москве с французскими

солдатами и встреча Пети Ростова с французом на поле боя» (Ирина Исаева, 10 класс, школа №464, г. Москва).

Но первое, что приходит на ум, - история, когда Николай Ростов гнался за французским офицером, а догнав, «сам не зная зачем, поднял саблю и ударил ею по французу», и «в то же мгновение, как он сделал это, все оживление Ростова вдруг исчезло». Ростов взгляделся в лицо врага, которого только что победил: тот, «испуганно щурясь, как будто ожидая всякую секунду нового удара, сморщившись, с выражением ужаса взглянул снизу вверх на Ростова. Лицо его, бледное и забрызганное грязью, белокурое, молодое, с дырочкой на подбородке и светлыми голубыми глазами, было самое не для поля сражения, не вражеское лицо, а самое простое комнатное лицо».

Как Ростов, который, увидав «отвозимых пленных, <...> поскакал за ними, чтобы посмотреть своего француза с дырочкой на подбородке», так и Саша Круг, который взгляделся в юное, беззлобное лицо немца, со своими товарищами интересовался судьбой немца и регулярно навещал его в лагере. Конечно, же, «немецкий лётчик будет благодарен русскому солдату за его сострадание к окружающим людям», что «может подтвердить цитата: “Немец ухватился за эту улыбку, как утопающий за спасательный круг...”» (Мария Погосян, 11 класс, школа № 19, г. Армавир). А известие о гибели Саши оказалось для него равносильным потере смысла существования в лагере. Конечно, можно было заранее предвидеть несчастливый конец: «Наверняка Саша и немец встретятся. У них зародится крепкая дружба, но обе стороны войны узнают об этом и захотят их разъединить. <...> Но смысл будет в их дружбе». (Анна Мухина, 9 класс, школа №5, г. Апатиты). И действительно, вся суть окажется в человеческих отношениях.

Второй эпизод, который можно связать с романом Толстого, — из четвёртого тома, когда «полк, где служил Петя Ростов, взял в плен мальчика-француза. Он <Петя> проявил к нему сострадание, отдал свой сюртук, поесть отнёс, пока никто не видел» (Анастасия Мариненко, 11 класс, школа №19, г. Армавир). Петя Ростов интересуется судьбой пленного французского барабанщика, просит у Денисова разрешения позвать его в избу, дать поесть.

В том же четвертом томе пленённый Пьер Безухов лицом к лицу встречается с маршалом Даву: «Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту одну минуту смутно перечувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья».

В третьем томе можно заметить эпизод с участием Пьера Безухова, когда он, не понимая, что происходит, дерётся с французским солдатом («Я ли взят в плен или он взят в плен мною? - думал каждый из них») и только пролетевшее над головами сцепившихся француза и Пьера ядро заставляет их разбежаться в разные стороны: «...француз побежал назад на батарею, а Пьер под гору, спотыкаясь на убитых и раненых, которые, казалось ему, ловят его за ноги».

Я считаю, что автор вслед за Толстым будет продвигать идею непринятия, неестественности, бессмысленности и бесчеловечности войны, которую великий русский классик донёс нам в «Войне и мире» и в «севастопольских рассказах» (Екатерина Тряпицына, 11 класс, гимназия № 1, г. Армавир).

Возникли у участников конкурса ассоциации и с другими произведениями, и прежде всего с «Капитанской дочкой» А.С. Пушкина. «Ну, зачем Пугачеву было сохранять жизнь Петру Гриневу? Ведь Петруша открыто говорил Пугачеву, что будет всегда верен императрице. Это могло оскорбить Пугачева. Но в то же время его поразила эта безграничная верность своему государю, смелость, готовность умереть, но не переходить на чужую сторону. Видя все эти качества, Пугачев начинает испытывать к Гриневу уважение и, может, даже своеобразное чувство отцовской любви. Он благословляет Петра на брак и помогает влюбленным уехать» (Алина Ватанабэ).

Вспомнили и роман Виталия Закруткина «Матерь человеческая»: «Главная героиня Мария зашла в дом и решила спуститься в погреб. Страх за себя и за её будущего ребёнка (Мария была беременна) охватил её, и она быстро схватила вилы. Немец был ранен, ему было около пятнадцати лет. Мария занесла вилы над головой немца. Вдруг он произнёс: «Мама». От этого слова всё внутри Марии перевернулось, и она с яростью отбросила вилы в сторону и заплакала...» (Дарья Бахарева, 7 класс, гимназия №1, г. Армавир).

В повести Кондратьева «Сашка» «главный герой, его тоже зовут Сашка, оказывается на передовой. И во время ожесточенного боя захватывает в плен немца, пытавшегося его убить. Злость первых минут сменяется благородными чувствами, в душе у Сашки уже нет ни ненависти, ни обиды. Командование главного героя решает пустить немца «в расход», т.е. убить. Сашка же проникается сочувствием к пленному и уговаривает оставить немца в живых» (Ирина Исаева, 10 класс, школа №464, г. Москва).

Из зарубежной литературы вспоминается роман Эриха-Марии Ремарка «На западном фронте без перемен»: главный герой, прячась в воронке во время вражеской атаки, инстинктивно желая спастись, вонзает нож в горло врагу, упавшему к нему в воронку, а потом, осознав весь ужас убийства («Он первый человек, которого я убил своими руками и который умирает у меня на глазах, по моей вине»), желает помочь раненому, перевязывает его своим платком, приносит ему воды - но раненый умирает на глазах Пауля.

Конечно, список можно продолжить. И нельзя не согласиться, что с помощью таких эпизодов «провозглашается идея всечеловечности» (Арина Старикова, 10 класс, Женская гуманитарная гимназия, г. Череповец).

Задание 5.

Евтушенко в данном стихотворении применяет многие приемы описываемых авторов, и в строки включены косвенные или прямые ссылки на их произведения. Светлана Чернова, 11 класс, школа № 1350, г. Москва

Во всех отрывках Евтушенко использует ритмические размеры, которые использовали поэты, еще более усиливая сходство. Владимир Заболотский, 11 класс, школа №1535, г. Москва.

1. **Пушкин.** «Здесь присутствует цитата из стихотворения «Пророк». Разумеется, «певучесть» и «раскованную речь» можно с легкостью отнести к Пушкину и его поэзии» Мария Ружейникова, 11 класс, школа №1567, г. Москва. «Слово "пленительный" также из пушкинского лексикона». Анна Дикова, 10 класс, школа № 57, г. Москва.

2. **Некрасов.** «Отсылки к произведениям «О муза, я у двери гроба!», «Размышления у парадного подъезда», «На Волге», «Железная дорога»». Екатерина Манкевич, 11, 11, 1553 «Лицей на Донской», г. Москва. «Поэта (Некрасова) часто обвиняли в простом стиле, грубости, неизящности формы, тем не менее его произведения производит впечатление на читателя, т.е. в этом контексты понятны словосочетания «неизящности сила» и «подвиг мучительный»». Алла Волошина, 10 класс, школа 870, г. Москва. «Первое, о чём стоит сказать, это стихотворный размер, а именно анапест. Некрасов также отдавал анапесту своё предпочтение. ... Автор характеризует и язык Некрасова, написав: «Дай твоей неизящности силу...» Ведь, действительно, у Некрасова особый язык, который не отличается изысканностью. Отражены и идеи Некрасова об особой роли и судьбе России, а также русского народа и поэта («идти, волоча всю Россию...»). Алёна Гурдина, 11 класс, гимназия №3, Пермь.

3. **Пастернак.** «Фамилия подошла по ритму. Кроме того, у него есть стихи «Свеча горела на столе//, Свеча горела...» <>«Зимняя ночь» Стихотворения Юрия Живаго. – Ред.>Екатерина Манкевич. «Буквально весь этот отрывок построен аналогично стихотворению Пастернака». Александра Брюхно, 11, гимназия №2, г. Раменское. «Здесь есть игра слов со "смещеньем", "смущеньем" и "сращеньем", по звучанию похожим на "скрещенье" в стих-и "Зимняя ночь", "свеча горела" тоже оттуда». Александр Файер, 10 класс, школа №57, г. Москва. «Использование разностопных строк, приблизительных рифмовок весьма типично и характерно и для Пастернака, и для всей поэзии XX века в целом.... Отношение Пастернака к поэзии и деятельности поэта также отражено в строках Евтушенко: «...чтоб слово, садом бормоча, //цвело и зрело». Кроме того, последние строки обращают нас к произведению Пастернака «Доктор Живаго», за написание которого он стал лауреатом Нобелевской премии». Алёна Гурдина.

4. **Есенин.** «Уже первая строка явно отсылает нас к стихотворению «Дай, Джим, на счастье лапу мне». <<«Собаке Качалова». — Ред.> Размер также совпадает с размером вышеуказанного стихотворения (пятистопный ямб). Более того, у Есенина часто встречаются описания русской природы, «березок и лугов». Мария Ружейникова.

5. **Маяковский.** Построение строк, характерное для его стихов, использование авторских слов («глыбастость»), создающих грозный и тяжелый образ, просторечных слов («подонки»), дающих однозначную экспрессивную характеристику, слово «товарищи», характерное обращение советского времени. Анжеликаа Бородина, 11 класс МОУ Дмитровская гимназия «Логос», г. Дмитров.

«Глыбастость, буйство, бас» — характерные черты Маяковского как человека и поэта («жилистая громадина», «агитатор-главарь», как он сам себя называл)» Алёна Гурдина.

Публикуем лучшие из написанных на турнире стихотворений, в том числе и те, что содержат обращения к поэтам не русским, а зарубежным.

Кантемиру

Кантемире, о пиите русский преславный!
Видишь, се я ныне как бы узнику равный
Тут сижусь? Пишу я, равно крыса чиновна,
В юдоли своей скорбной никак не виновна.
Укрепи же мя, рассудок мой направляя,
Уму сыскати сия бедному пособляя,
Путь далек, ибо девять сестер босы поклали,
Дабы скончать ... И баллов чтоб больше дали.

Лев Козлов, 11 класс, Муми-Тролль, г. Москва

Ломоносову

О Ломоносов, коль воспеть дано б мне было
Сей трепетный волн бег и дневное светило,
Всевышнего создателя величье
Могла б в земное передать обличье.
Но что так жалок, немощен мой дар,
Что и не смог я, как когда-то встарь,
Монарха просвещенного восславить,
Что вольные народы покорит?
Нет, не воспеть его деяньям оду мне!
Скажи, зачем в моей душевной глубине
Не тот огонь всеозаряющий горит.
Почто безмолвствует и дремлет мой язык?

Александра Пчелинцева, 11 класс, школа №1513, г. Москва.

Державину

1.

Державин, дай мне свой размах,
Что меди тверже, выше пирамид,
Чтоб песнь свою оставил я в веках
Назло тебе, пророческий графит.

Вячеслав Балагуров, 10 класс, школа №57, г. Москва

2.

Ты не считал себя поэтом,
Но обращался ты к псалмам,
Как обратился ты с советом
К властителям и судиям.
И пусть глагол времен идет,
Царя сменяет раб простой,
Для всех когда-то час пробьет, -
Как в рифме той!

Мария Ружейникова

Лермонтову

1.

Дай, Лермонтов, Кавказа тишину
И паруса в дали туманной белизну,
Чтоб тучкою летя по белу свету
Я не забыл мне дорогое это.

Лев Левицкий, 7 класс, школа №1199, г. Москва

2.

Дай, Лермонтов, мне силы жить
В стране, где все непримиримо,
Где все мне чуждо, нелюбимо,
Где не могу собой я быть.

Где кем-то я пытаюсь стать
Среди своих чужой, искатель,
Клейма изгоя обладатель,
Где правду я стремлюсь узнать.
Мне с одиночеством бороться
Учиться у тебя усердно.
Оно ведь всех томит, наверно,
В борьбе и жить лишь остается.

Яна Цацко, 11 класс, школа №1213, г. Москва

3.

А Лермонтов руку подаст мне
В минуту душевной невзгоды,
Сорвет в маскараде маски
С демонов хоровода.
Окажи, Михаил, услугу,
Отдай мне пророка тяжесть.
По дороге брести я буду,
И звезды мне будут в радость.

Елизавета Каменская, 10 класс, гимназия, г. Обнинск,

Фету

Дай мне, Фет, всю яркость красок,
Чтоб сказать, как солнце встало,
Всю горячность, смелость плясок,
Чтоб душа затрепетала.

Дай мне все, что невозможно,
Невозможно дать словами.
Все, что чувствуем буквально,
Сможем описать стихами.

Ирина Малащенко, 11 класс, Вторая школа, г. Москва.

Козьме Пруткову

Здравствуй, милый мой, любимый,
Дорогой Козьма Прутков!
Дай мне всю твою нескромность,
Что досталась от богов,
Дай мне силу Гериона,
Что ты сам давно просил,
Дай мне острый ум и слово —
То, за что ты так любим.

Наталья Тюлькина, 8 класс, гимназия № 83, Ижевск

Заболоцкому

Колотушка тук-тук-тук,
Заболоцкий, добрый друг!
Все смешалось в ваши строки,
И летят во все концы
Птицы, домики, пороки,
Зодиак и мертвецы...
Тихо в городе Тарусе:
Плачет девочка Маруся.

Александра Брюшно

Брюсову

Ну, а Брюсов пусть даст покрывало...

Ольга Корнеева, 11 класс, школа № 1505, г. Москва

Цветаевой

Мне нравится, что вы, не зная сами,
Неся ярмо поэта на себе,
Воспламенили вашими стихами

Безумство нежности в моей судьбе.

Без грубой лести, кою, не тая,

Вы презираете, как молодые вина,

Я восхищаюсь. Почему не я,

Увы, а вы — Цветаева Марина?

Наталия Драненко, 11 класс, школа № 463, г. Москва

Рубцову

Тем путем от кустика до кустика,

Той дорогой северной в пыли,

Сказочными думами «до Устюга»

Вы, Рубцов, мне очень помогли.

Помогли уйти в пути далекие

По следам давно ушедших душ.

И, оставив думы все нелегкие,

Погрузиться в сказочную глушь.

Вы меня на творчество направили,

И за то спасибо вам скажу!

А сейчас, простите, я откланяюсь,

Снова к вам на север ухожу.

Любовь Кабанова, 11 класс, школа №1574, г. Москва

Пастернаку

Я ходил-бродил во все пределы.

Смерть, Живаго, на моём пути!

Излечи болящий дух и тело:

Помоги мне поле перейти...

Александр Файер, 10 класс, школа №57, г. Москва.

Мандельштаму

«Мандельштамов — в Сибири, как шапку в рукав!

Чтобы не говорили. Не смей!» —

Закричал, захлебнувшись слюной, Волкодав,

Доставая кровавую плеть.

«Мандельштамов — в Сибири! Хотел — получи!

Я не смею тебе отказать!

Если хочешь — гори, если хочешь — кричи.

В одиночную камеру. Взять!

Мандельштамов — в Сибири! Гуляй — не хочу!

Все жидовские морды — гуляй!»

— Шевеля кандалами цепочек, пишу.

Не заткнешь, но захочешь — стреляй!

Мария Шумская, 11 класс, гимназия № 15.

Окуджаве

Молчаливые Вера, Надежда, Любовь —

Три прекрасные спутницы наших поэтов.

На глазах у Булата отцовская кровь

На огромной стене из эпохи Советов.

.....

Как умел — так и жил. И не более всех

Говорил о зверином оскале Союза.

Но помог, успокоил, утешил он тех,

Кто нуждался. Такою была его муза.

Затмившим сырость петербургских снов.
Ты покажи в чужих краях мне сказку,
И водопой слонов, и стаи пёстрых птиц,
Чтобы сумела я почувствовать всю ласку
Твоих жемчужных и искрящихся страниц.

Диана Воронкова, 9 кл., БГЛ №2 им. М. В. Ломоносова, г. Брянск

2.

Дай мне, Гумилев, твое покровительство муз,
Твои сказки и мифы от финнов и до Востока,
Где преданья, властность легенд, караванщик – индус,
Где роса до утра и бывает порой одиноко.

Кристина Шибаета, 9 класс, школа №1514, г. Москва

3.

Не конквистадор, не жестокий воин,
Но все ж герой и гений – Гумилев...
О кто звезду преследовать готов?
Кто называться мастером достоин?

Кто пропасть и бурям вечный брат?
Чье имя на века в сердцах и душах?
Кто нас учил замороженно слушать
Далекий отзвук Африки и Чад?

Кто пулю воспевал когда-то в строках,
Как будто видел начертанье Рока...
Нет, воин, конквистадор! – и поэт!

Искать свой путь, врага не ненавидеть,
Мне помоги поверить и увидеть
Сквозь пропасти и бури звездный свет.

Екатерина Федяшкина, 11 класс, школа № 1505, г. Москва.

4.

Век безумный, двадцать первый, кем он выдуман и сделан?
Заглушил зурну и пенье автострады дикий рёв.
Где найти мне жаркий ветер честность, сдержанность и смелость?
Дайте скрипку вашу в руки, я прошу вас, Гумилёв.

Меж садов и бездн пусть ляжет неизвестная дорога...
Где оазис тот, в котором ныне бродит ваш жираф?
Дайте старины напевы, моря соль и силу слога.
Может быть, шестое чувство прорастет среди диких трав.
Мария Подрядчикова, 11, лицей №3, г. Волгоград

Бродскому

1.

Дай, Бродский, силу взойти по лестнице
На континент, что держится на ковбоях,
В усталом одиночестве понимание Йейтса
И вечность мартабря с шумом приборя.

Дай чувство жизни в мелких осколках
Метафор, спутывающих извилины в узел,
Больше времени, сделанного из тонких проволок
И талант холмов нелюбимой Родины.

Елизавета Каменская, 10 класс, гимназия, г.Обнинск

2.

Ты был только тем,
что я мог угадать в наброске:
замшелом плаще и оставленной папироске,
в мятых брюках
и в бездонных глазах провидца.

Ты, наверно, старик, но
людям хочется зрелищ.
И в загоне из пепелищ
тебя держат — ты не поверишь — люди.
Ответь!
Тебе — Иуде, тебе, Йешуа,
Тебе ли не знать, как раздвинуть небо?

Приезжай, если можешь
Ты знаешь, вино и звезды
Я у полночи выманю —
сядем у склона холма.

А если о том наброске,
твоим именем — Бродский
подписанном — это вымысел.
Среди догм разноверцев
— одна с перехлестом волна.

Александр Числер, 11, школа № 239, Санкт-Петербург

Гете

Простите, Гете, вынужден прервать
Больной наш спор о смысле мирозданья.
Я слишком пьян, чтоб слушать, понимать,
Почти уж отключил свое сознание.

Я не поэт, не чтец вселенской боли,
Но мне не чужды ваши размышленья
О философии, о Боге, страхе, крови
И Фауста божественном прощенье.

Спасибо за призыв любить и жить
И Мефистофеля пустить в ослабший разум,
Чтоб мог я из обрывков мира сшить
Идею, а не зависть, гнев и праздность.

Наталия Драненко

Басе

Прошу у Басе
Листок сакуры нежной.
Скоро октябрь.

Екатерина Колоскова, 11 класс, православная школа-пансион «Плесково».